

Вращательно-монадная метафизика

Кремень Р. Л.,
независимый исследователь,
kremen-roman@rambler.ru

Аннотация: Излагается метафизическая концепция, в главной тезе которой конституируется простейший дискретный элемент физической реальности, обозначенный как протомонада, составляющий основу пространственных форм материальности, включая само пространство как таковое. Генезис протомонады уясняется посредством определённым образом трактуемого вращения духовной эссенции, самой по себе не обладающей протяжённостью, причём и означенная эссенция, и её вращение имеют метафизический порядок, а размерность физического пространства находит рациональное толкование через характеристики метафизического вращения. Рассматриваются смысловые аспекты комплексных математических конструкторов, передающих семантику вращений и вполне резонно предлагаемых некоторыми математиками в качестве единых оснований математики и физики, где свойства конструкторов выступают математически строгим со-доказательством обоснованности концепции. Разъясняется смысл числа как способа ограничения на бесконечных до-физических множественностях, а конечные природные множественности предстают результатом таких ограничений; важнейшим частным случаем является данная в опыте трёхмерная пространственная метрика, возникающая как ограничение бесконечномерного метафизического пространства. Формулируется так называемый принцип генетического наследования, позволяющий снять диалектическое противоположение единого и множественного и иллюстрирующий категории времени и пространства как диалектические оппозиции.

Ключевые слова: метафизика, монада, вращение, духовная эссенция, бесконечность, материя, пространство, время.

Диалектический метод

В настоящей натурфилософской работе намечаются контуры своеобразной метафизической парадигмы, постепенно складывающейся из уже высказанных многими исследователями разрозненных эвристик и «недоумений», а также обосновывается ряд её положений, отдельные компоненты которых уже обозначены, так или иначе, и философами, и математиками, и физиками, но отрывочно и проблемно, что вполне естественно в отсутствие внятно артикулированной системной максимы, привносящей обосновывающую сообразную необходимость во всё разнообразие феноменов. Главные интенции дискурса, представленного на суд читателя, направлены на такие категории философии природы, как время, пространство, материя, Вселенная. Интерес к темам, включающим указанные различия, обусловлен как негативной оценкой состояния естествознания, так и общим посылом, связанным с осознанием совершеннейшей недостаточности истины природы и смутностью представлений об её основаниях, выражающиеся, в частности, контроверзами субстанционального, реляционного

и теоретико-полевого образа мыслей. Причём в каждом из перечисленных воззрений, как они нынче представлены в публикациях, есть своя частичная правда, но, как представляется, есть и свои надуманные и малоубедительные тезы, что делает их в целом недостаточно аргументированными и, в конце концов, противоречивыми. Если бы какая-то из указанных точек зрения была безупречной, то она быстро завоевала бы себе абсолютное большинство сторонников, стала бы руководством к действию и физиков, и математиков, чего пока не наблюдается. Если авторская позиция всё же покажется кому-то коррелирующей с каким-то из названных воззрений, то всё равно надо иметь в виду, что семантика и дефиниции используемых понятий существенно скорректированы. С учётом сделанного замечания сам автор полагает свою позицию наиболее близкой к субстанциональной. Фундаментальные различия, подлежащие рассмотрению, настолько значимы и всеобъемлющи, что автор счёл возможным и простительным в преддверии погружения в проблему произнести некую толику пафосных тирад, передающих его благоговение перед тайнами, к которым он осмелился прикоснуться. И трудно, наверное, подобрать более удачное сочетание эмоциональной экспрессии и содержательного наполнения, один к одному передающих квинтэссенцию означенных выше категориальных вопрошаний, чем это сделал Эдгар По в своей поэме в прозе «Эврика», в которой он предстал не только как выдающийся литератор, но и как незаурядный метафизик: «Я вознамерился говорить о Физической, Метафизической, и Математической — о Вещественной и Духовной Вселенной: о ее Сущности, ее Происхождении, ее Сотворении, ее Настоящем Состоянии, и Участи ее. Я буду при этом настолько отважен, что призову на суд заключения, и таким образом, действительно подвергну сомнению прозорливость людей величайших и наиболее справедливо почитаемых.

В самом начале да будет мне позволено возвестить — не теорему, которую я надеюсь доказать, ибо, что бы ни утверждали математики, нет, в этом мире по крайней мере, такой вещи как доказательство; но руководящую мысль, которую на протяжении этой книги я буду непрерывно пытаться внушить.

Мое общее предложение таково: В Начальном Единстве Первого Существа заключается Вторичная Причина Всего и Всех, с Зародышем их Неизбежного Уничтожения»¹. Авторская принципиальная позиция — об этом надо сказать сразу — состоит в том, что натурфилософское исследование должно придерживаться собственного логико-методологического нарратива, выработанного положительным опытом анализа-синтеза своего предмета, и только «краешком ума» принимать в расчёт известные физико-теоретические репрезентации, а не наоборот, чем грешат многие и многие авторы, весьма титулованные, публикации которых позиционируются как философские, но в действительности обсуждающие противоречия и парадоксы сугубо физических теорий и экспериментов, в призрачной надежде пойти дальше самих физиков. В первую очередь именуется в виду формализмы квантовой механики и общей теории относительности.

О бесперспективности поиска философских истин путём штудирования физики недвусмысленно высказался Бергсон. «Нужно иметь в виду, что философия, как мы ее определяем, еще не вполне осознала саму себя. Физика понимает свою роль, когда она толкает материю в направлении пространственности; но понимала ли свою роль метафизика, когда она просто-напросто шла по следам физики с призрачной надеждой двигаться далее в том же направлении? Не будет ли, напротив, ее подлинной задачей

¹ По Э. А. Эврика. Поэма в прозе (Опыт о вещественной и духовной Вселенной) / Пер. К. А. Бальмонта. — М.: Эксмо, 2008. — С. 24–25.

подняться по тому склону, по которому физика спускается, вернуть материю к ее истокам и постепенно создать космологию, которая была бы, если можно так выразиться, перевернутой психологией? Все, что кажется положительным физика и геометру, становится, с этой новой точки зрения, остановкой или нарушением истинной позитивности, которая должна определяться в понятиях психологических»². Релевантным обозначенной позиции в натурфилософской методологии обнаруживается диалектический метод, присущий, как нетрудно заметить, исключительно философскому нарративу и привносящий в него регулятивно-детерминистическую компоненту, составляя ту самую его специфику, позволяющую «подняться по тому склону, по которому физика спускается», и с высоты своего положения усматривать и указывать направления «главных ударов» для естествознания, а не плестись в его хвосте. Причём если мы поставили своей целью относительно полно и системно эксплицировать метафизику сущего, а не его отдельные аспекты, то в намеченной содержательной метафизической предикации сущего должны быть нивелированы если не все, то целый ряд важнейших диалектических противоположений, обнаруженных экзистенциальным опытом. Думается, что факт сошедшихся в одной точке линий, соединяющих множество пар взаимоисключающих оппозиций, одновременно снятых в одном целостном синтетическом понятии, указывает на движение в истинностном направлении. Имеются в виду следующие пары противоположащих друг другу определений: дискретный — непрерывный, конечный — бесконечный, статичный — динамичный (покой — движение), единое — множественное, материальное — идеальное. Так называемый диалектический метод ассоциируется у нас, в первую очередь, с именем Гегеля, хотя и у других мыслителей, предшествовавших классику немецкой философии, можно встретить приём, когда столкновение взаимно элиминирующих понятий высекает искру более глубинного, синтетического различения, но только Гегель разглядел в этом приёме методологическую основательность, имманентную сторону всякого интеллигибельного рационализирующего утверждения. Он внятно артикулировал метод. Без гегелевской огранки эта древняя жемчужина вряд ли заиграла бы такими яркими и радужными оттенками. Поступательное движение философского проникновения в суть вещей уже невозможно представить вне гегелевского диалектического контекста, а философствовать вопреки ему просто неприлично. Но это не означает, что метод сам по себе, автоматически, как по рельсам, «везёт» исследователя к позитивному и верному результату, что он гносеологически самодостаточен. Упование исключительно на метод, без надлежащего опыта созерцания и дара интуиции, чревато превалированием ложных предустановок и надуманной произвольностью репрезентаций, что ведёт к гипостазированию фантазмагорических абстракций, путанице понятийных дефиниций и, в конце концов, к заблуждениям. Именно это и случилось с Гегелем. Он, без должной рефлексии приняв чистую мысль за абсолютное бытие и переоценив значимость самодовлеющего разума, через ряд сомнительных интеллектуальных экзерсисов подогнал свои выводы под заранее предполагаемый результат. Выстроенная им спекулятивная последовательность возвращает его в исходную точку, к тому, с чего он начал своё доказательство. Причинно-следственный круг у него замыкается на начальном посыле, что он оценивает как признак безошибочности своих рассуждений, при том, что круг, в конце концов, есть не более чем круг. В итоге Божественный Дух у него — это мысль мыслей, а подлинное бытие — это бытие Бога как абсолютной идеи чистого мышления. В целом построения Гегеля, как показало время, во многом ошибочны, но его

² Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с фр. В. Флеровой; Вступ. ст. И. Блауберг. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. — С. 211.

диалектический метод — это чудесное «дитя» его гения, которое не следует выплёскивать вместе с мутной водой.

Ёмкую и взвешенную характеристику, касающуюся системы Гегеля, мы находим в биографической монографии Николая Бердяева «Алексей Степанович Хомяков». Любопытен, например, следующий момент, из которого уясняется один из основных пороков гегелевской философии: «В западной философии лишь Ф. А. Тренделенбург дал критику Гегеля, родственную критике славянофильской, но не творческую, не созидательную. Приведу для сравнения две цитаты: "Без живого созерцания, — говорит он в своих "Логических исследованиях", — логическому методу следовало бы ведь решительно все покончить идеей — этим вечным единством субъективного и объективного. Но метод этого не делает, сознавая, что логический мир в отвлеченном элементе мысли есть лишь "царство теней", не более. Ему, стало быть, известно, что есть иной, свежий и животрепещущий мир, но известно — не из чистого мышления" {См. Тренделенбург Ф. А. Логические исследования. Ч. I. С. 81}. И ещё: "Диалектике предлежало доказать, что замкнутое в себе мышление действительно охватывает всецелость мира. Но доказательства этому не дано. Везде мнимозамкнутый круг растворяется украдкой, чтобы принять извне, чего недостает ему внутри. Закрытый глаз обыкновенно видит перед собой одну фантазмагорию. Человеческое мышление живет созерцанием и умирает с голоду, когда вынуждено питаться собственной утробой" {там же, с. 110}»³. Истины ради следует заметить, что во времена Тренделенбурга в западной философии не только он критиковал Гегеля, Кьеркегор⁴ здесь отметился не в меньшей степени. Автору диалектического метода не удалось, фактически, показать его эффективность, поэтому всем тем, кто почувствовал в оном гносеологический потенциал, приходится в каждом конкретном случае перепроверять его синтетические утверждения и при необходимости подправлять их. В общем, надеяться только на самого себя. Примером диалектического противоположения, значимость которого трудно переоценить и которое снимается иным синтетическим ноуменом, чем это виделось Гегелю, что будет раскрыто в той части настоящего дискурса, где будет дана содержательная экспликация генезиса материальности, является оппозиционная пара «дискретность — непрерывность». В отношении последней в гегелевской «Философии природы» находим следующее. «Единство этих двух моментов — дискретности и непрерывности — есть объективно определенное понятие пространства, но это понятие есть лишь абстракция пространства, на которую часто смотрят как на абсолютное пространство. Те, которые рассматривают это понятие как абсолютное пространство, полагают, что последнее есть истина пространства, в действительности же относительное пространство есть нечто гораздо высшее, ибо оно есть определенное пространство какого-то материального тела. Истина же абстрактного пространства состоит как раз в том, чтобы оно существовало как материальное тело»⁵. Попытка Гегеля уяснить действительную сущность пространства через снятие противоречия между дискретностью и непрерывностью представляется весьма произвольной и, в конце концов, ошибочной. Поскольку понятие *пространства* чрезвычайно важно, то выясним, не откладывая в долгий ящик, в каких диалектически отталкивающихся категориях оно пресуществляется. Пространство закрепляется в

³ Бердяев Н. Алексей Степанович Хомяков. — М.: Путь, 1912. — С. 120–121.

⁴ Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к "Философским крохам". — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 2005. — 680 с.

⁵ Гегель Г. В. Ф. Философия природы // Энциклопедия философских наук. Т. 2. — М.: «Мысль», 1975. — С. 46.

рассудке двумя аспектами. Первый — как определённая ограниченная протяжённость конкретных физических тел, и в этом Гегель прав. Но опыт обнаруживает недостаточность такой предикации, так как тела меняют своё положение, вступают во взаимодействие. Поэтому разум наделяет граничные линии свойством самостоятельного существования, гипостазирует их, «отрывает» от конкретных предметов и отодвигает вдаль, чтобы охватить все тела. На первых порах абстрактная граница воспринимается как конечная, но этой конечности всегда недостаточно, и, в конце концов, она оказывается удаленной в интеллигибельную бесконечность — геометрическую спецификацию неопределённости. Определённость конечного размывается, поскольку вне определённого тела понятие границы становится условным, а в отвлечённости бесконечности полностью неопределённым. И это второй аспект пространства. Конечность и бесконечность — вот единство диалектических моментов, в котором отражается феномен пространства. И этой смежностью конечного и бесконечного рассудок поставлен в тупик.

Пытаясь понять пространство, разум оказывается перед выбором, в котором, как ему кажется, нет здоровой альтернативы. Но так как выбор сделать необходимо, он делает это «как Бог на душу положит». Об этом хорошо высказался Эдгар По: «Что касается этой бесконечности, ныне рассматриваемой — бесконечности пространства, — мы часто слышим, как говорится, что "ум допускает эту мысль, соглашается на нее, принимает ее — по причине большей трудности, которая сопровождает понятие границы"». Но это просто-напросто одна из тех фраз, которыми даже глубокие мыслители, с незапамятных времен, при случае с удовольствием обманывают самих себя. Закорючка скрыта в слове "трудность". "Ум, — говорят нам, — принимает мысль о безграничном в силу большей трудности, которую он находит в том, чтобы принять мысль об ограниченном пространстве". Но если бы данное предложение было лишь честно выражено, его бессмыслица сразу сделалась бы прозрачной. Ясно, что в данном случае существует не простая трудность. Задуманное утверждение, если его выразить согласно его замыслу и без софистики, будет гласить: "Ум допускает мысль о безграничном, в силу большей невозможности принять мысль об ограниченном пространстве".

Сразу должно быть очевидно, что тут не вопрос о двух утверждениях, между относительной вероятностью которых ум призван выбирать, и не о двух аргументах идет речь, коих относительная пригодность должна быть определена, — разговор идет о двух понятиях прямо противоречивых, и каждое из двух понятий открыто признано невозможным, и предполагается, что одно из них разум способен принять по причине большей невозможности принять другое. Выбор делается не между двумя трудностями: воображают просто-напросто, что он должен быть сделан между двумя невозможностями. Но что до первого, там есть степени, в последнем их нет — как в точности на это уже указал наш заносчивый автор письма. Задача может быть более или менее трудной; но она или возможна, или невозможна — степеней тут нет. Могло бы быть более трудным опрокинуть Анды, нежели муравейник; но не может быть более невозможным уничтожить вещество одного, нежели вещество другого. Человек может подскокить на десять футов с меньшею трудностью, нежели на двадцать, но невозможность того, чтобы он подскокил к Луне, ничуть не меньше, чем невозможность его скачка к Сириусу.

Так как все это не отрицаемо; так как выбор, представляющийся уму, должен быть сделан между невозможностями понятия; так как одна невозможность не может быть больше, чем другая; и так как, следственно, одно не может быть предпочтено другому — философы, которые не только принимают, на упомянутых основаниях, человеческую мысль о бесконечности, но, на основании такой предположенной мысли, самую бесконечность, явно стараются доказать, что одна невозможная вещь возможна, если они показывают, что другая вещь — тоже невозможна. Это, скажут, нонсенс — бессмыслица,

и, быть может, оно так и есть; поистине, я думаю, что это перворазрядный нонсенс, но я только отказываюсь от всех притязаний, чтобы этот нонсенс был моим»⁶. Некоторые — имеются в виду мэтры из научной и натурфилософской братии — пытаются перехитрить природу, обрѣкшую их разум на распятие. Они уходят от выбора вообще. Они объявляют пространство фикцией, кажимостью. Есть тела, есть отношения между последними, говорят они, и в контексте этих отношений нужно относиться к понятию пространства, которого как такового, как сущего нет. Но эта позиция — «не верь глазам своим» — избирательно отвергающая непосредственное чувство, сомнительна и бездоказательна. Дело в том, что бесконечность здесь понимается метафизически бессодержательно, чисто количественно — как «дурная бесконечность». Последнюю, действительно, ни представить, ни объяснить невозможно. Тем не менее, пространство всё же было наделено, сугубо волюнтаристски, не изъяснённым качеством бесконечности. Уже у Ньютона в его «Математических началах...»⁷ мы встречаем абстракцию «дурного» бесконечного пространства, как вместительца всех тел, и его авторитетное мнение утвердилось надолго. После того как разум бросил якорь у мифического причала абсолютного пространства, он в то же время обрѣл, как ему казалось, некий образ постоянства в изменчивом мире.

Ньютон не дал никакой содержательной предикации бесконечного пространства как некоего проникновения в суть вещей, поскольку его кредо было — «не измышлять гипотез». Он лишь постулировал бесконечное пространство, не рефлексируя по поводу его сущности и не взирая на его парадоксальность. Он «натурализовал» в научной и натурфилософской сферах представления, которые уже витали в воздухе его времени. Впоследствии эти представления нашли отражение у Гёте, который абсолютные покой и постоянство пространства противопоставлял чистому движению и изменчивости через сравнение архитектуры и музыки. В нашу эпоху мысль великого немецкого поэта затвердела в выражении «архитектура — это застывшая музыка». Но музыка, конечно же, представляет собой лишь эмпирический символ изменчивости. Что же касается «натуральной» изменчивости, диалектически отталкивающей от себя вечную статичность пространства, то имя её заключено, как нетрудно догадаться, в различии *времени*. Причѣм *время*, будучи чистой изменчивостью, является референтом *непрерывности*. Непрерывность — это атрибут в первую очередь времени, а не пространства. И только опосредованное временем пространство соотносится с непрерывностью, т. е. неким вторичным порядком. В самом деле, «ощупывая» пространство, мы априори настроены на встречи с препятствиями непроницаемости материальных тел, вынуждающими нас остановиться, прерваться, настроены на встречи с протяжѣнными конечными отдельностями, скачкообразно прерывающимися «пустотой». Более того, мы сами можем формировать границы и прерывность материальных образований, т. е. быть активной стороной. И только по отношению ко времени определение непрерывности очищено от вторичных и случайных наслоений, оно включает в себе дистиллированную первозданность длящегося, что отражается в устойчивых выражениях: непрерывный стаж работы, непрерывная боль, непрерывный поток. Иначе говоря, длящееся без перерыва. Причѣм субъект по отношению ко времени, в отличие от его отношения к пространству, всегда находится в страдательном залоге. Мы не властны над временем, его невозможно

⁶ По Э. А. Эврика. Поэма в прозе (Опыт о вещественной и духовной Вселенной) / Пер. К. А. Бальмонта. — М.: Эксмо, 2008. — С. 50–54.

⁷ Ньютон И. Математические начала натуральной философии. Перевод с латинского и примечания А. Н. Крылова. — М.: Наука, 1989. — 688 с.

повернуть вспять, его невозможно остановить, на него невозможно повлиять. С другой стороны, имея дело со временем в эмпирическом плане, в такой же степени, как оно созерцается непрерывным, его количественно-темпоральные аспекты предстают всегда в дискретном виде. Действительно, базовый принцип любых часов — механических, электронных, атомных или другой физической природы — периодический физический процесс, задающий с некоторой точностью фиксированный дискретный период, величина которого предопределяет неопределённость измерения интервалов времени, сводящуюся к подсчёту числа периодов физического процесса. Таким образом, в оппозициях непрерывности и дискретности зажат феномен времени, а не пространства, как полагал Гегель. И поскольку указанные оппозиции диалектические, то снятие этого противоположения, являемого нам тем неуловимым нечто, что именуется временем, согласно диалектическому методу, должно высечь некую гносеологическую синтетическую искру, где время непротиворечиво раскроется в своей первоизданности, и ранее несовместимое естественным образом совместится. Не технологически или математически, а концептуально, в сущностном порядке. Последняя ремарка обусловлена негативной практикой науки и так называемой научной философией. Типическим образчиком последней является фундаментальный труд Дж. Уитроу «Естественная философия времени»⁸. Монография являет редкий пример обстоятельности и скрупулёзности и, конечно, полезна. Но именно философского и диалектического взгляда автор не предлагает. Дж. Уитроу типичный систематик со всеми недостатками, свойственными этой «профессии». С каких только ракурсов он не рассматривает время. И как универсальное, и как индивидуальное, и как математическое. Далее идут иные градации: направленное и циклическое, абсолютное и относительное, психологическое и социологическое, опытное и логическое. Здесь же вкраплены аспекты космического, биологического и прочая, и прочая. При чтении означенного опуса наступает момент, когда разум отказывается переваривать эту объективистскую эклектику. И складывается ощущение, что к разгадке тайны времени мы не приблизились ни на йоту.

Выше мы отметили, что рассудок склонен воспринимать пространство как бесконечное вместилище тел, где дефиниция бесконечности — дурной бесконечности — остаётся размытой и бессодержательной. Но позитивным — как это представляется рассудку — «сухим остатком» такой репрезентации является обретение в изменчивом мире некоего постоянного базиса, относительно которого можно строить прогностические формализмы. Представление о таком пространстве есть, по существу, косвенная отсылка к отвлечённому понятию «чистого» покоя — абсолютной статике. Представление же о времени, наоборот, является отсылкой к отвлечённому — «чистому» — понятию об изменчивости и движении — абсолютной динамике. Таким образом, произнося слова *пространство* и *время* мы, осознанно или нет, конституируем ноумены, находящиеся друг к другу в оппозиции. Отсюда следует, что пространство и время — это не однородные и не случайные относительно друг друга понятия, а суть диалектически противоположные, в отличие, например, от кантовского⁹ понимания пространства и времени как априорных категорий так называемой трансцендентальной эстетики. Осознание этого факта позволяет надеяться на установление истины и того, и другого в едином синтетическом акте, согласно диалектическому методу. Упомянутого «дурно-бесконечного» пространства на самом деле в подлинности нет. Это абстракция. Если допустить такое бесконечное пространство как подлинное, то это допущение означает не

⁸ Уитроу Дж. Естественная философия времени / Пер. с англ., общ. ред. М. Э. Омеляновского. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 400 с.

⁹ Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. — М.: Наука, 1999. — 655 с.

что иное, как торжество недвижимой покоящейся вечности. Действительно, поскольку гипотеза о не имеющем ни начала, ни конца определённым образом понимаемом пространстве требует предположения и о не имеющем ни начала, ни конца феномене временения. Только в этом случае первая бесконечность может быть, пусть и потенциально, обозреваема как единая субстанция. Принятие одной бесконечности — пространственной — необходимо влечёт временящую бесконечность. Но, допуская удалённое в бесконечное прошлое начало временения, мы вправе ожидать, что все события, которым отмерены своё время и свой срок, должны были бы в вечно длящемся пространстве уже произойти. Все события должны были бы исчерпать себя в бесконечном прошлом, и мы должны были бы наблюдать вечный покой, в лучшем случае периодическое повторение уже происходившего. В реальности же, де-факто, мы этого не видим, что ничтожит сделанное выше допущение и служит доказательством абстрактности той бесконечности, которую мы приписываем известному нам пространству, а заодно и времени, воспринимаемых непосредственным и неререфлексивным образом. Это не означает, однако, что категория бесконечности гносеологически бесперспективна. Как раз наоборот. В понятии бесконечности таятся множественные различия, играющие бесконечными оттенками. В частности, направления мысли того же Жюль Делёза¹⁰, исследующего различие и повторение, могут оформиться, возможно, новыми содержательными проекциями, если интегрировать в них бесконечность. Категория бесконечности вообще мало разработана и, безусловно, требует дальнейшего осмысления. Что можно констатировать на поверхности? Бесконечность являет себя в двух аспектах — количественном и порядковом, последней мы здесь не касаемся. Контроверза в отношении пространственной бесконечности вбирает в себя именно количественный аспект, когда возникает потребность ограниченную протяжённость соотносить с умозрачительной безграничностью, встроить конечное в бесконечное, но таким образом, чтобы они семантически не конфликтовали друг с другом и обуславливали друг друга. Попыткой такого соотношения и является ставшая расхожей отвлечённость, когда усилием ума то, что даётся в опыте конечным, механистически продлевается в некую условную потенциальную бесконечность, в результате чего и гипостазируется дурная бесконечность, причём появляется искусственное и ложное противопоставление актуальной и потенциальной бесконечностей, где под последней понимается логическая условность, которая никогда не может актуализироваться, но которая, тем не менее, принимается за действительность. При этом остаётся без ответа вопрос, каким образом то, чего нет и чего достичь невозможно, каким-то неведомым способом воздействует на реальность? Потенциальная бесконечность, по существу, есть также не более, чем интеллектуальный экзерсис абстрагирования.

Духовный генезис сущего

Как было заявлено ранее, конечной целью представленного дискурса является артикуляция — пусть и пропедевтическая — метафизической системы природы, иначе говоря, феноменологического, материального. При этом метафизика, претендующая на истинностную, уже изначально не будет отвечать требованиям таковой, будет казаться искусственной конструкцией, сомнительной замкнутой системой, если имплицитно или косвенно, но вполне однозначно, в ней не будут просматриваться маркеры, указывающие на моменты и различия, связанные с определениями идеального, так как идеальность, как и материальность, явно положена в реальности и добротной метафизикой не может

¹⁰ Делёз Ж. Различие и повторение. — ТОО ТК «Петрополис», 1998. — 384 с.

игнорироваться. Причём идеальность не может быть изъяснена через подчинённость материи, поскольку материальное само нуждается в раскрытии своего генезиса. Но и это — необходимое, но недостаточное условие всесторонне обоснованной метафизики. В оной должны просматриваться смысловые лучи, направленные на сферу, которая вообще «выше» сущего и физического, должны намечаться линии, ведущие к онтологическому горизонту — к бытию. Можно, конечно, спорить о содержательных трактовках категории бытия, выбирая, например, между Гегелем, Хайдеггером, Сартром или неотомизмом, но одно остаётся непреложным: без бытия, обуславливающего всё вещное и преходящее, ни мыслить мир, ни созерцать его, ни понять его невозможно. Как показывает история философии, на каждом историческом этапе философская мысль, проделав очередной круг, неизменно, как в родные пенаты, возвращается к бытию. Подлинность бытия доказывается отточенной веками философской логикой, противопоставить которой что-либо весьма затруднительно, как это можно видеть, например, у Эмериха Корета: «Основное уразумение необходимости бытия, праутверждения бытия, исключаящее небытие, предположено и нетематически подтверждено как условие во всяком акте мышления, во всём вопрошании и знании: бытие как бытие безусловно необходимо, оно «есть» абсолютно. Под этим ещё далеко не подразумевается тематическое знание об абсолютном бытии Бога. Прежде обнаружено лишь всеобщее, но неупраздняемое основное знание: бытие необходимо есть; оно не может не быть. Однако, пожалуй, уже здесь нетематически (имплицитно) содержится знание об абсолютном бытии, которое должно ещё разворачиваться тематически (эксплицитно), а именно благодаря «исключению конечного» (Шеллинг), то есть благодаря обнаружению, что вещи нашего мира опыта суть не «само бытие», то есть не само абсолютно необходимое, безусловное бытие, что они выделяются из него и одновременно предполагают его как основание бытия»¹¹. Итак, феноменологической метафизической системой должен раскрываться, по нашему разумению, генезис и материального, и идеального, которые противостоят друг другу, как установлено, диалектически¹². А диалектические оппозиции снимаются, как известно, в синтетическом понятии. Отличительной чертой данного противоположения является то, что сущность, посредством которой снимается взаимная негативность материального и идеального, относится уже к онтологическому уровню. Спускаясь «вниз» с этого уровня, естественным образом должны сниматься и другие, иерархически подчинённые диалектические оппозиции, упоминаемые ранее. Настала пора назвать эту таинственную сущность. Но от восклицаний «о, эврика!» придётся воздержаться, поскольку искомая сущность, вокруг которой ваш покорный слуга уже некоторое время ходит кругами, давно известна. Имя ей — дух! Имеет смысл для обозначения означенной сущности использовать и другой номинатив — *духовная эссенция*, чтобы подчеркнуть, что подразумевается не некая фигура речи или абстракция, а самая что ни на есть подлинная действительность. К подобным оговоркам автор вынужден прибегать, поскольку в наш постмодернистский век категория «дух» вытеснена на периферию, а секуляризация общественной жизни иногда принимает такие крайние формы, что одно упоминание термина, имеющего прочные корни в религии и связанного с верой, с сакральным, у приверженцев этих форм способно вызвать идиосинкразию. Сугубо профанный образ мышления глубоко проник и в философию, так что приходится держать оборону против

¹¹ Корет Э. Основы метафизики / Перевод на русский язык. — Киев: Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий, 1998. — URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5760> (дата обращения: 20.11.2020).

¹² Кремень Р. Л. Диалектическая гносеология // Vox: <http://vox-journal.org>. — 2020, № 28. — С. 102–127.

особо рьяных адептов внерелигиозного гуманизма, убеждённых в отсутствии божественных тайн, что сродни новоявленной вере.

Само по себе соображение, в его недифференцированном виде, что дух — это *summa rerum*¹³, обуславливающий генезис любых акцидентных экзистенций, всего материального, всего живого, включая самосознающее и разумное, старо как мир. Об этом замечательно высказался Шеллинг: «...только в творческой способности духа понятие и действительность, идеальное и реальное могут пронизывать друг друга и объединяться таким образом, что между тем и другим невозможно никакое разделение. Я не могу думать, чтобы под субстанциальной формой Лейбниц представлял себе иное, чем правящий, имманентный организованному существу дух.

Следовательно, эта философия вынуждена допустить, что в природе имеется последовательность ступеней жизни. Даже в простейших формах организованной материи есть жизнь, только жизнь ограниченного характера. Эта идея настолько стара и настолько непоколебимо сохранялась под разнообразнейшими формами до настоящего времени, включая и нынешнее (уже в древнейшие времена утверждали, что весь мир пронизан неким оживотворяющим принципом, названным мировой душой, а позднейшая эпоха Лейбница каждому растению приписала душу), что можно, пожалуй, заранее догадаться, что какое-то основание этой природной веры должно лежать в самом человеческом духе. Так оно и есть. Вся загадочность, которая окутывает проблему происхождения организованных тел, происходит от того, что в этих вещах необходимость и случайность объединены самым тесным образом. Необходимость — потому что целесообразно уже их существование, а не только их форма (как у произведения искусства); случайность — потому что эта целесообразность действительна все же лишь для совершающего и рефлектирующего существа. Вследствие этого человеческий дух рано был приведен к идее самой себя организующей материи, и, поскольку организация представима только в отношении к духу, к изначальному объединению духа и материи в этих вещах. Он осознал себя вынужденным искать основание вещей, с одной стороны, в самой природе, с другой стороны, в принципе, возвышающемся над природой; поэтому он очень рано пришел к тому, чтобы мыслить дух и природу как одно. Здесь впервые выступила из полнейшей темноты та идеальная сущность, в которой он мыслил понятие и деяние, план и осуществление как одно. Здесь впервые на человека снизошло предвидение его собственной природы, в которой созерцание и понятие, форма и предмет, идеальное и реальное изначально есть одно и то же. И поэтому своеобразный ореол, окружающий эту проблему, — это ореол, который одна только рефлексивная философия, пускающаяся на разделение, никогда не в состоянии рассеять, в то время как чистое созерцание или, скорее, творческая сила воображения очень давно изобрела символический язык, который можно только истолковывать, для того чтобы обнаружить, что природа говорит нам тем понятнее, чем меньше мы о ней мыслим одним лишь рефлектирующим образом»¹⁴. Умозрение Шеллинга в отношении духа как универсума всего сущего представляется более чем резонным и принимается автором настоящих строк как одна из отправных точек в дальнейших рассуждениях, где он намерен внести свою лепту в освещение этого вопроса, потому что одного означенного умозрения недостаточно, чтобы рассеять туман вокруг тайны организованных тел, его надо «истолковать». Это понимал и Шеллинг. С сожалением приходится констатировать, что удовлетворительного нарратива по этой

¹³ *Summa rerum* (лат.) — главная вещь; прим. автора.

¹⁴ Шеллинг Ф. Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки. — СПб.: Наука, 1998. — С. 116–117.

проблематике до сих пор нет. Проблема истолкования, по-видимому, требует не меньшей «творческой силы воображения», чем сама идея духа, в её самом общем виде. Самым загадочным в репрезентации духа представляется то, что в каких бы семантических ракурсах не упоминалась бы его связь с материальностью, их общим знаменателем, инвариантным фокусом, является представление об его безусловной «бестелесности». Этой тотальностью объединены все известные вербализации духа и, как исходный пункт, признаётся и в настоящем исследовании. Дух, будучи сам «ничем», предлежит всему. Итак, перед нами в полный рост встаёт парадоксальный вопрос. Как бестелесное «ничто» оборачивается протяжённой материей? Благодаря чему, если будет позволено возвысить свой слог до поэтического «штиля», ничто, или нечто, превращается в «глухую глину бытия»?

Благодаря вращательному движению! Именно специфический динамизм духа, циклоидальное движение энергийной духовно-эссенциальной «точки», самой по себе не имеющей протяжённости — бесплотного «ничто» — является конструктивным базисом первичного пространственного материального «облачка» — первоэлемента, лежащего в основании всей материальности. Вследствие невообразимой скорости периодического возвращения в определённое место, соотносимой, по всей видимости, со световой, непрерывное движение создаёт эффект одновременного присутствия во всех точках замкнутой траектории. Эссенциальная «точка» подобна герою Пьера-Огюстена де Бомарше — Фигаро, который здесь, и одновременно там, если будет позволено такое иносказательное сравнение. Другая аналогия — воздушный смерч. Означенный смерч на уровне обыденного опыта можно считать пустотой, поскольку, при известной ловкости, его, образно выражаясь, можно «проткнуть» пальцем, что и служит обоснованием его «ничемности». Но, с другой стороны, мы всё же понимаем, что имеем дело с осязаемым «чем-то», ставшим таковым благодаря движению. Получается, что, как и первоэлемент, вся материя есть в некотором смысле виртуальное образование — энергийный «вихрь», так как объёмность-пространственность создаётся «искусственно», последовательной сменой эссенциальными «точками» своих положений в контролируемых ими квантах пространства. Точнее, первоэлемент, в своём не агрегированном модусе, сам и образует этот самый квант пространства, а в агрегированном, сливаясь пространственно с другим (другими) первоэлементом и вследствие этого «уплотняясь», образует начальную субстанцию твёрдой материи. Уже в самом начале наших выкладок мы можем констатировать, что и материя, и то, что мы именуем пространством, «сотканы» из одного «материала», их генезис един. Поэтому неудивительно, что в физических экспериментах обнаруживается взаимодействие материальных масс и пространства (искривление). Здесь же проясняется известная контрверза в отношении пространства, формулируемая в виде вопроса: субстанция или реляция. Если отвечать односложно и в тех же терминах, то ответ очевиден: субстанция. Мнение о психологической «кажимости» пространства есть надуманность, обусловленная неспособностью дать разумное истолкование феномена пространства. В представленной картине нетрудно узреть иерархию между такими различиями, как движение и материя. Оказывается, что первичны категории движения и энергийности, материя же выступает как вторичное, зависимое и акцидентное образование. Конечно, сразу же возникает не менее сложный вопрос, как понимать категорию движения до пространства. Но и он имеет своё истолкование. Оно будет дано чуть позже, иначе «всё смешается в доме Облонских». Природа вообще великий мистификатор и нередко представляет всё с точностью до наоборот. Она перехитрила человека, представив пред его очами протяжённую материю как нечто исходное и покоящееся, которое каким-то загадочным образом иногда «оживает» и проявляет себя как движущееся и изменяющееся, глубоко скрыв генезис внешне наблюдаемого движения

и изменения. Но кажущаяся загадочность мгновенно рассеивается, и всё становится на свои места, когда выясняется, что всякое внешне проявленное движение вторично, имеет акцидентный характер и является бледной тенью «вечного» внутреннего движения духовной эссенции, составляющей существо всех вещей. Сказанное непосредственно выше не составляет экстраординарного открытия. На уровне художественных интуиций похожие мысли, в той или иной форме, артикулировались и раньше. В качестве образчика подобных наитий можно привести закадровый монолог из бельгийского фильма «Вне времени» (оригинальное название: *The Lovers*; 2013 год) режиссера Ролана Жоффе: «Всё, что мы называем реальностью, состоит из крошечных частиц энергии, и когда две частицы встречаются, одна начинает вращаться по часовой стрелке, а другая — против. И если вы разделите эти две частицы под призмой Вселенной, под призмой времени, и потом измените вращение одной, вращение другой частицы тоже изменится, мгновенно, — связь сквозь пространство и время». И хотя в истории, рассказанной в фильме, преобладает мистическая составляющая, прозрения авторов в натурфилософском аспекте представляются небезынтересными.

В приведённом высказывании любопытно не только умозрение о некоем непредметном, имеющем, по существу, метафизическую семантику вращении, но и акцентирование внимания на следующем из этого умозрения различии как *направление*, допускающее две возможности: вращение, условно говоря, по часовой стрелке и против. Причём элементарным экзистенциальным актом утверждается единство взаимосвязанных разнонаправленных вращений. Этот постулат является, по существу, косвенной ссылкой на принцип симметрии, модифицированный здесь под специфические понятия движения. Надо заметить, что созерцательный опыт давно уже «намекает» на онтологический статус принципа симметрии. Это презумпция, которая в течение веков только крепла, качественно наполняясь из разных сфер, продолжает неизменно подтверждаться. В настоящее время наиболее интенсивно содержательное наполнение принципа симметрии как вселенской универсалии происходит со стороны математики, поскольку именно математизированное естествознание показывает себя наиболее успешным. Не случайно стала уже расхожей фраза, что «вселенная говорит на языке математики». В контексте конституированного базиса материального первоэлемента всеобщность принципа симметрии не случайная возможность, а детерминистская необходимость. И следует это, в первую очередь, из опыта математического «осмысления» реальности. Именно «симметрические» математические теории отличаются законченностью, однозначностью и присущей математике строгостью. В противном случае «схема» мироздания чревата неустойчивостью, многозначной неопределённостью, субъективистской произвольностью. Для обнаружения последней не надо далеко ходить. Действительно, если принять предложенную репрезентацию базиса, лежащего в основе первоэлемента, то актуализируется вопрошание: почему направление вращения отдельной духовно-эссенциальной «точки» такое, а не иное, например, по часовой стрелке, а не против? А уж если предположить, что абсолютно все «точки» принуждены к определённой, ничем не обусловленной одинаковой направленности, то такое произвольное отдание мироздания на откуп случая было бы более чем удивительным, в сравнении с той беспримерной сообразностью, которую демонстрирует нам Вселенная. Как тут не вспомнить остроумную шутку Эйнштейна, адресованную Нильсу Бору: «Бог не играет в кости». В этой связи необходимо обратить внимание на качественное изменение взглядов математиков в отношении базовых физико-математических структур. К математикам приходит понимание, что для адекватной репрезентации физических процессов, для прояснения самих оснований физики, необходима ревизия оснований

самой математики. Показательной в этом плане является работа С. А. Векшенова¹⁵. Её квинтэссенцией является вывод, что основания математики должны быть трансформированы таким образом, чтобы базовые математические структуры включали формализмы, несущие смысл вращений, причём вращений симметричных — вращений в двух противоположных направлениях как единое целое. Что примечательно — это следует из комментария автора, — семантика означенных вращений окончательно утрачивает аналогии с каким бы то ни было видом онтического вращения. Констатируем, таким образом, что математика, следуя собственной логике развития, самораскрывая себя как идеальную ипостась реальности, со-подтверждает предлагаемые здесь метафизические тезисы. Прослеживаемая семантическая связь настолько наглядная, что вашему покорному слуге достаточно механистически инкорпорировать в своё исследование соответствующую математическую аналитику и использовать её результаты как строгое логико-математическое обоснование своего умозрения. Может даже сложиться впечатление, что математика способна полностью подменить привычную метафизику. Однако такой далеко идущий вывод был бы поспешен. Математике как таковой присуще ограничение, преодолеть которое без обращения к опыту философско-метафизических созерцаний и интуиций она не может, так как имеет дело с сугубо отвлечёнными символами, вдохнуть жизнь в которые она не в состоянии. Это понимают и сами математики: «Приведенные выше рассуждения и конструкции могут оказаться «игрой в бисер», если не будет найдено адекватное онтологическое обоснование вращений»¹⁶.

Из последней части вышерасположенного нарратива следует принципиальное уточнение в первичный набросок метафизического конструкта, раскрывающего генезис материальности: в основе всех форм материи, включая пространство, представляющее собой суть протоматерию, лежит некоторым нетривиальным образом понимаемое «дуплексное» вращение двух каузально связанных на метафизическом уровне духовно-эссенциальных «точек», вращающихся в противоположных направлениях (и образующих некую виртуальную «площадку»). Наглядной аналогией эксплицируемого материализующего конструкта может служить абстрактный механизм из двух совмещённых «дисков» нулевой толщины, вращающихся в одной плоскости в противоположных направлениях. Данное различие семантически соответствует геометрической дефиниции понятия плоскость. В представленном сугубо динамическом конструкте легко обнаружить и другое различие, а именно: заданный в имплицитном виде его статичный атрибут — «ось» вращения, расположенную перпендикулярно плоскости вращения «дисков». Физико-механической аналогией рассматриваемого конструкта — где, как нетрудно заметить, векторная различимость имманентна его принципу — является гироскоп, у которого пространственная направленность, как известно, присуща физике устройства. Отмеченный случай подобия представляется неслучайным. Он лишь подтверждает обобщающее созерцательное умозрение об онтологической значимости аналогического (фрактального) подобия, как фундаментального принципа всего наличного сущего. Отмеченное различие — «ось» — позволяет конституировать на метафизическом уровне категорию, соответствующую известному из математики понятию — метрика; в данном случае эксплицируется «механизм» простейшей метрики — одномерной. Естественен вопрос: «А как же данное нам в опыте и ощущениях трёхмерное пространство и соответствующий ему

¹⁵ Векшенов С. А. От оснований физики к основаниям математики // Метафизика. — 2018, № 1 (27). — С. 123–128.

¹⁶ Векшенов С. А. От оснований физики к основаниям математики // Метафизика. — 2018, № 1 (27). — С. 126.

репрезентативный формализм — трёхмерная метрика?» «Само собой разумеющимся» ответом, следующим из эмпирического методологического принципа Оккама — «не следует привлекать новые сущности без крайней на то необходимости», — представляется следующее презумпционное утверждение: онтическая (физическая) реальность трёхмерного пространства, точнее, его простейшего структурообразующего элемента, осуществляется как суперпозиция трёх вращательных метафизических конструкторов, каждый из которых представляет собой пару плоских разнонаправленных метафизических вращений. Означенное утверждение является, по существу, метафизической редукцией аксиоматики простейшей из известных геометрий — евклидовой, имеющей, как известно, самый большой верификационный ресурс по сравнению с другими геометриями. Естественный ход рассуждений подводит нас к заключению, что так называемые физические репрезентации природы сводятся, в конце концов, к геометрическим репрезентациям, а последние, в конечном счёте, к отвлечённым математическим объектам-конструкциям, элементы которых соотносятся формальными правилами. Приведённый метафизический нарратив материи и трёхмерного пространства как нельзя лучше согласуется с математической аналитикой, представленной, например, в работе А. П. Ефремова «О физико-математической аналитике и реальности фрактального пространства»¹⁷, где исследуется алгебра гиперкомплексных чисел — кватернионов, при помощи которых, как «случайно» оказалось, удобно и наглядно формализуются вращения в трёхмерных пространствах. Вот примечательное место из статьи, в некоторой степени демонстрирующее смысловую корреляцию выводов Ефремова с артикулируемыми здесь метафизическими заключениями: «Это значит, что по сравнению с 3D-пространством размерность «подлежащей» 2D-поверхности характеризуется числом $\frac{1}{2}$. Такого рода пространства, имеющие дробную размерность, называют фрактальными. Итак, исходя из строгих математических рассуждений, можно прийти к заключению, что в основе физического пространства может лежать некоторая фрактальная поверхность»¹⁸. Автор пытается осмыслить «факт» таких математических объектов, как кватернионы, фракталы и спиноры, с точки зрения отношения их к реальности. По сути, им предпринята попытка, «оттолкнувшись» от математики, найти метафизические предпосылки физики.

Математический логос и бесконечномерное метафизическое пространство

Попытка целостного натурфилософского взгляда на природу, на процесс её естественно-научного познания — в первую очередь имеется в виду физика — сопровождаемая не отрефлексированной фактичностью тотальной математизации последней, показывает в первом приближении что открывающиеся для описания природных феноменов математические формализмы, воспринимаемые как абстрактное и в то же время таинственное в сущностном плане математико-репрезентативное дополнение, кажущееся отдельным от физической сущности природного объекта и выступающее как бы от его имени определённым номиналистическим отражением, проявляются на поверку как некоторого рода атрибут реальности, хотя и весьма проблематичный. Поскольку в настоящем исследовании наличность сообразных метафизическим умозрениям математических конструкторов, с учётом свойственной математике дискурсивной строгости, декларируется как со-доказательство верности метафизических представлений и их подлинности как пред-реальности, то, не

¹⁷ Ефремов А. П. О физико-математической аналитике и реальности фрактального пространства // Метафизика. — 2018, № 1 (27). — С. 107–115.

¹⁸ Там же. — С. 112.

высказавшись некоторым позитивным образом по этой проблеме, мы поставим под сомнение весь наш анализ. По существу, нами актуализировано следующее вопрошание. Каков онтологический генезис математики как таковой, она действительность или недоступная рефлексии отвлечённая условность? На первый взгляд может показаться, что в рамках самой математики и надо искать ответы. Казалось бы, кто лучше, если не сами математики, могут осмыслить математический предмет. Но, оказывается, говоря по-простому, не тут-то было. Вот, например, замечание из упомянутой выше публикации А.П. Ефремова касательно анализируемой им алгебраической конструкции кватерниона: «Фрактальная поверхность в целом представляется весьма странным объектом, в первую очередь, в силу ее дробной размерности, но также и потому, что она имеет сложную структуру, содержащую действительные и мнимые области. Человеческий разум долго не мог свыкнуться даже с математикой мнимых чисел; воспринимать геометрию мнимых пространств еще сложнее. Короче, причин для сомнений в физической реальности «спинорного мира» более чем достаточно»¹⁹. Сентенция о человеческом разуме демонстрирует в первую очередь растерянность и недоумение самого автора перед математическим фантомом, представшим перед ним. Но вины его в этом нет. Суть в том, что, оставаясь в рамках узкого, сугубо математического предмета, точнее, физико-математического, его смысловой ряд разглядеть невозможно. Необходима охватывающая всю положенную природную действительность в её органическом единстве «широкоформатная» созерцательная оптика, обеспечиваемая ничем иным, как натурфилософией, где математике отведено соответствующее ей место «царицы наук», но не более. Причём в означенной оптике в её фокусировке на математическом предмете следует различать два встречных гносеологических луча. Один, идущий сверху-вниз, — дедуктивный — от натурфилософских дифференциаций самого общего порядка в отношении математики, и определяющих её конститутивный статус в плане реальности. И второй луч, идущий, условно говоря, снизу-вверх — индуктивный — от системы специфических математических понятий, придающих общим натурфилософским дифференциациям содержательную конкретность. Касаемо дедуктивного ракурса, точнее, его кардинального вопрошания об отношении к реальности математических объектов. В самом общем виде артикуляция ответа на поставленный вопрос становится возможной после соотнесения математики с более общей, входящей уже в сугубо философскую сферу, категорией, семантика которой транслируется предикациями идеального. В этой связи загадка об отношении математических объектов к реальности оказывается тождественной философской проблематике об отношении к реальности различений, дифференцируемых как идеальности. Означенная проблема в интересующем нас аспекте с обстоятельной критичностью рассмотрена в публикации «Диалектическая гносеология»²⁰, к которой автор настоящих строк и отсылает заинтересованного читателя. Здесь же вполне достаточно ограничиться недвусмысленным заключением из указанной работы: идеальное, диалектически противостоящее материальному, представляет собой самую что ни на есть подлинность, положенную в реальности в той же степени, что и материя.

Несложно обнаружить, что уже в самом понятии *материя* заключено подразумевание некоего организующего принципа, благодаря которому материя, с присущими ей свойствами, есть в своей фактичности. То есть момент идеальности незримо присутствует уже в изначальном различении материи как таковой, потому что

¹⁹ Ефремов А. П. О физико-математической аналитике и реальности фрактального пространства // Метафизика. — 2018, № 1 (27). — С. 114.

²⁰ Кремень Р. Л. Диалектическая гносеология // Vox: <http://vox-journal.org>. — 2020, № 28. — С. 102–127.

семантика термина *принцип* исключительно идеальная. Смысл и цель любой естественно-научной дисциплины и заключается, по существу, в содержательной конкретизации указанного принципа. Без него невозможно бы было постижение природы, её умозрение. В тот самый момент, когда естествоиспытателем произносятся слова «исследование и изучение законов природы», происходит незаметный перенос внимания «внутрь» материи, к её структурным элементам и отношениям между ними, то есть сугубо идеальным дефинициям; само слово *закон* [природы] суть одно из них. И именно сообразная символика математического языка и обнаруживает себя как квинтэссенция конкретики организующих отношений, имманентно предлежащих материальному феномену, и атрибутивно представляющая его. Как тут не вспомнить библейское: «В начале было слово...» В настоящем контексте имеется в виду, конечно же, математическое слово — концентрированная форма логоса, положенного в идеальной реальности и усматриваемого умозрением познающего субъекта, так же, как апперцептивным «зрением» он усматривает чувственно воспринимаемую материальную реальность, за которой с необходимостью предполагается её идеальная ипостась. С кардинальным признанием математического логоса некоторой компактной формой положенных в реальности идеальностей (идей) мы, что называется, расставляем точки над *i*, конституируем семантику, позволяющую наконец-то окончательно определиться с онтологическим статусом синтезируемых в рамках математики конструктов, устраняя своего рода дуализм в отношении её, когда математика, с одной стороны, прочно ассоциируется с методологией науки, широко используется учёными-естественниками, при том, что, с другой стороны, её реальная диспозиция остаётся (оставалась) сомнительной и неопределённой, вызывая что-то вроде когнитивного диссонанса. Можно считать, таким образом, что нами разъяснены, в некоторой их части, сущностные основания математики и утверждена её укоренённость в действительности, что позволяет, в свою очередь, уже без двойственных рефлексивных сомнений начать продвижение в направлении содержательных метафизических герменевтик конкретных математических объектов. Именно означенное «продвижение» и имелось в виду чуть выше, когда была сепарирована составляющая в созерцании математических ноуменов, обозначенная как индуктивная. Остановимся коротко лишь на тех из них, что близки, в той или иной степени, нашему метафизическому дискурсу. Не будет большим преувеличением, наверное, если к апофеозу математических интуиций причислить идеи, в рамках которых в рассмотрение введены такие конструкции, как комплексное и гиперкомплексное (кватернион) переменные. Алгебры, упорядочивающие операции с указанными переменными, показали себя наиболее адекватными формализмами, представляющими пространственные вращения и непосредственно ассоциирующиеся с вращениями. Но как понимать эти загадочные мнимые числа в плане отношения к реальности? И как интерпретировать этот суперпозиционный комплекс мнимостей, заключающий в себе, как выясняется, геометрическую семантику, поскольку номинатив *вращение* имеет смысл лишь в коннотации пространственных представлений, которые и составляют существо геометрического нарратива? Толкование комплексного числа становится содержательно насыщенным в свете представленного выше репрезентативного наброска первоэлемента, натурализующегося в трёхмерной физической реальности посредством суперпозиции метафизических вращательных движений духовно-эссенциальных «точек», пространственные определения которых, между прочим, полностью соответствуют отвлечённым геометрическим дефинициям точки. Покрывало таинственности спадает с этих ноуменальных мнимостей, когда выясняется, что означенный первоэлемент действительно в некотором смысле мнимый, точнее, виртуальный, существование которого в онтической реальности обусловлено чистым метафизическим вращением.

В контексте цитированной выше работы А. П. Ефремова дадим небольшой герменевтический комментарий, касающийся комплексной переменной, точнее, проблематичностей, обусловленных свойствами последней. Одной из причин «озадаченности» математика, возникшей при решении им задачи визуализации вращений, репрезентируемых кватернионами, послужило обнаружение того, что «...локальная область фрактальной поверхности осциллирует, при этом действительная область «перекачивается» в мнимую и обратно»²¹. Полагая со своей стороны, что в «сухом остатке» натурфилософского исследования только тогда остаётся что-либо значимое и только тогда оно максимально достигает своей цели, когда не ограничивается общими декларациями, а с предельной ясностью с высоты философских созерцаний растолковывает конкретные онтологические и смысловые загадки той или иной научной дисциплины, ваш покорный слуга счёл, что обозначенная А. П. Ефремовым *Änigma*²² является для предложенной эвристики необходимым и вовремя подоспевшим испытанием, положительный исход которого можно считать ещё одним аргументом в пользу её верности. Осцилляции «подлежащей» 2D-поверхности» вполне объяснимы посредством различений рассматриваемой эвристики, причём данное объяснение, что наиболее важно, содержит в себе дальнейшие герменевтические дифференциации комплексного числа. Обсуждая математический феномен комплексной переменной, всё внимание было сконцентрировано нами на семантике пресловутой мнимой части, из-за которой вся комплексная конструкция и физиками, и самими математиками видится некоей условной и сомнительной абстракцией. Но комплексное число содержит, как известно, и так называемую действительную часть, а после того как мнимость некоторым образом нами легитимизована, то теперь уже действительная часть оказывается под вопросом, который, однако, легко снимается, если вспомнить, что согласно рассматриваемому метафизическому представлению материальный первоэлемент натурализуется как суперпозиция конституированных нами вращательно-динамических процессов, поскольку последние, в отличие от сугубо математической отвлечённости кватерниона, представляют собой действительные вращения действительных, хотя и непротяжённых, сущностей — духовно-эссенциальных «точек», обездвиживание которых подразумевает элиминацию первоэлемента. Действительная часть комплексного числа имеет непосредственное отношение к самой этой сущности, является её мерой, точнее, мерой перманентно-периодически изменяющейся пространственной плотности «точек», поскольку в формировании первоэлемента как сугубо динамического образования участвуют несколько «точек», обуславливающих пространственное измерение первоэлемента. Вращение нескольких «точек», образующих «квант» пространства, подразумевает их динамически изменяющуюся концентрацию в той или иной области «кванта» и последующее разряжение, наподобие того, как это происходит с планетами солнечной системы, одним из проявлений динамических свойств которой является, например, «парад планет», действительная же часть комплексного числа есть мера означенной концентрации. Что касается дробной (половинной) размерности выявленной А. П. Ефремовым «подлежащей» 2D-поверхности», что также стало причиной его «головной боли», то это свойство предположено семантикой метафизического конструкта. В самом деле, так как, согласно нашей метафизической эвристике, трёхмерный пространственный первоэлемент редуцируется, в определённом смысле, к плоским вращениям, где каждая «плоскость», задающая единичную метрику, представляет собой единство двух встречно направленных вращений, т. е. сама, в свою очередь, редуцируется к двум предельно простым вращательным конструктам, которые в силу неспособности

²¹ Ефремов А. П. О физико-математической аналитике и реальности фрактального пространства // Метафизика. — 2018, № 1 (27). — С. 112–113.

²² *Änigma* (нем.) — загадка; прим. автора.

существовать в физической реальности по отдельности, а только лишь в паре, то элементарный вращательный конструкт, исходя из этой семантики, несёт на себе печать некой неполноценности и подчинённости целому, что и выражается в его половинной размерности. Не смущает же нас, что одной из двух частей рассечённого пополам яблока определена мера в пол-яблока, потому что в означенной мере предположен смысл первичности целого яблока.

Результаты настоящего исследования не будут соответствовать необходимой кондиции, если в представленной ремарке, касающейся философии математики, некоторые темы которой мы вынуждены затронуть, не будет получен позитивный ответ на вопрос о смысле числа. Вернее, если не будут присвоены смысловые истины, следующие из адекватной экспликации, выполняемой числами функции, которая достаточно утилитарна и сводится к отображению количественных характеристик явлений как конкретных акцидентных ограничений, заданных на качественно однородных множествах феноменов. Обозначенная функция чисел, позиционируемая в философском аспекте, чревата следующей рефлексией: почему исполнение функции ограничения утвердилось в экзистенциальном опыте именно таким, а не иным способом, поскольку фиксация количества для перечислимых конечных множественностей возможна и альтернативными методами, например, с помощью иероглифа. Может быть некоторая глубинно-латентная, но претендующая на универсальный характер, особенность природных множественностей обуславливает числовой способ их фиксации? В чём состоит тогда существо этой особенности? Широкое созерцательное умозрение обнаруживает следующее обстоятельство, вызывающее к жизни и утверждению в своих правах числового способа регистрации ограничений. Означенный способ проявляет себя как необходимый и достаточный, демонстрируя свои безграничные потенции, если решение задачи ограничения осуществляется на бесконечных множественностях. Безусловно прав Гегель, когда говорит: «Только недомыслием является поэтому непонимание того, что именно обозначение чего-нибудь как конечного ограниченного означает доказательство действительной наличности бесконечного, неограниченного, непонимание того, что знание о границе возможно лишь постольку, поскольку неограниченное существует в сознании по эту сторону»²³. Бесконечность — это не отвлечённая абстракция и не случайно подвернувшаяся своего рода условность, неожиданно оказавшаяся удобным логическим аргументом в рациональных построениях. Бесконечность есть перманентная актуальность сущего, и в том числе поэтому математика, которую без категории бесконечности уже невозможно представить, демонстрирует себя наиболее адекватной формой трансляции присущих сущему отношений, где числа — сообразный бесконечному генезису сущего способ ограничения. В ложе дедуктивного нарратива, касающегося органической связи чисел и различения, обозначенного как бесконечность, прекрасно укладываются многочисленные математические тождества, наполняющие содержательной индуктивной конкретикой общее положение. Всё сказанное справедливо в первую очередь в отношении «поверенного в делах» всех чисел, возглавляющего это несчётное племя, — единицы. Можно было бы привести обширный перечень формул, где единица заключает в себе тем или иным образом бесконечный ряд чисел, чего, однако, мы делать не будем, чтобы нас не обвинили в покушении на суверенитет математики. Мы обнаружили тем самым, что в числовой символике даже предельной ограничивающей простоты сокрыта беспредельная

²³ Гегель Г. В. Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук. Т. 1. — М.: «Мысль», 1974. С. 182.

сложность и эта максима имеет непосредственное отношение к реальности. Соответственно, любое число, отличное от единицы, несёт в себе, так или иначе, след бесконечности. Ограничительная функция числа вносит конкретизирующую физическую определённую в неопределённую бесконечных метафизических возможностей, остающихся, тем не менее, действительными, по выражению Гегеля, «по эту сторону». Математический ракурс продвигаемого нами метафизического конструкта, где комплексные (гиперкомплексные) числа имеют вполне реальную семантику, и учитывая, что в так называемой показательной форме их представления присутствует известная иррациональная константа, обозначаемая в математике символом e , представление которой возможно только в виде бесконечной непериодической дроби, что является ещё одним ликом бесконечности, показывает, что метафизическая пред-реальность, уходящая корнями в бесконечность, подобна пресловутому бездонному мешку из «Тысячи и одной ночи», с той лишь разницей, что восточные побасенки выглядят верхом здравомыслия в сравнении со сказочностью реальных возможностей, заключённых в актуальной действительности бесконечности.

Возвращаемся к основной линии настоящего исследования — метафизической экспликации материи в пространственной фактичности способа её существования, базирующейся на некотором образом понимаемом вращении так называемых духовно-эссенциальных «точек». В связи с использованием термина *вращение* у потенциальных оппонентов может возникнуть возражение следующего порядка. Мол, распространение действия категорий движения — а вращение есть специфицированный случай движения — на метафизическую область некорректно, так как движение мыслимо при условии априорного различия и времени, и пространства, оно имплицитно предполагает их наличие, в то время как в исходной точке данного метафизического дискурса вопрос о генезисе, например, пространства остаётся открытым. Рассматриваемый метафизический конструкт — может продолжить некий условный оппонент — сам претендует на истолкование пространственности, но проблема в том, что в описании конструкта используется понятие, которое следует логически за пространственным различием, а это свидетельствует о внутреннем противоречии. Возражение, казалось бы, резонное. Не свидетельствует ли это, что мы стали жертвой паралогизма? Ощущение некоторого парадокса, наподобие тех, что заключены в известных апориях Зенона Элейского или в вопросе, что первично — яйцо или курица, мы находим и в лексике математиков, когда они, анализируя свойства сугубо математических конструкций, ассоциирующихся с вращениями, сопровождают оные вращения такими определениями как фундаментальное, за-пространственное, пред-геометрическое, и, в общем-то, не признают за ними связи с реальностью, а полагают их некой условностью — «ментальными» вращениями, потому что до введения пространственной метрики дефиниция слова *вращение* очень смутна. В самом деле, где осуществляется вращение? Вращение в чём? Ситуация кардинально меняется с признанием бесконечности действительностью, а не игрой отвлечённого ума, и неопрокидываемая, казалось бы, антиномия без труда опрокидывается. Алогизм действительно присутствует, но при условии, когда спекуляции, связанные с вращением, сопровождаются умалчиванием вопроса об используемой пространственной метрике и в неявном виде подразумевают, что наличествует метрика размерностью ноль. Тогда рассуждения о вращении «ни в чём», конечно же, бессмысленны. С уразумением же семантики числа как ограничения в действительной бесконечной множественности обнаруживается, что пред-геометрическое вращение надо понимать, как вращение «во всём» — в бесконечномерном метафизическом пространстве. И хотя оно трудно представимо, но логически состоятельно. Мыслить конечное из бесконечного можно, а вот наоборот, из нуля, из

«ничего» невозможно мыслить не то что бесконечное, но и конечное. Из нуля нет никакой перспективы. Разбираясь, таким образом, в смысловых дифференциациях, связанных с вращением — не в привычных коннотациях этого понятия, а в его математико-метафизических ракурсах, — нам нечаянно, как некий казус, высветилась истинностная, как представляется, грань — мы конституировали метафизическое пространство, отличительной чертой которого, в сравнении с известным из опыта физическим пространством, является его бесконечная метрика. Трёхмерному пространству и трёхмерной материальности, являющимися предметом изучения естествознания, предлежит бесконечномерное метафизическое пространство. Действительностью последнего обусловлен генезис не только данного в опыте трёхмерного мира, оно является перманентно актуальным источником других возможных миров с пространственными метриками, отличными от трёх. Из представленного умозрения, однако, ещё не следует, что любая, с той или иной степенью доказательной убедительности математическая теория, наподобие пресловутой теории струн, использующая многомерные метрики для описания некоего претендующего на реальность космоса, является достаточным обоснованием его реальной возможности, хотя бы потому уже, что сообразная безупречность математического аппарата, раскрывающего логос предположительного мироздания, сама по себе под вопросом, так как верификационная история алгебраических конструкций современной математики ограничена опытом только нашей трёхмерной Вселенной.

Протомонада

Простейший дискретный пространственный элемент, образуемый специфицированным движением духовной эссенции — некоторого числа так называемых духовно-эссенциальных «точек», — мы обозначали до сих пор, не рефлексировав особо по этому поводу, как первоэлемент, в синонимы которому напрашивается слово «частица» или, если обратиться к установившейся терминологии в физике, словосочетание «элементарная частица». Причём в отличие от большинства известных элементарных частиц, первоэлемент подразумевается предельно элементарным, элементарней, что называется, некуда. Однако понятие «частица» связано с сугубо материалистическим взглядом на природу и семантически противоположно духовному генезису природы, декларируемому в настоящем исследовании, где мы исходим из онтологической презумпции, что вещество на всех структурообразующих уровнях, в том числе первичном, есть не инертный субстрат, неким чудесным образом, впитывающий в себя формообразующую энергию, а изначально является перманентно-активной духовно-энергичной субстанцией, не разделяемой на форму и содержание. Материя духовна не в переносном смысле, а в самом прямом, буквальном. Если бы было верно обратное, то проблематичным и неопределённым становился бы генезис энергетизма. Энергичность имманентна духовной корпускуле, и она же обуславливает физический модус действительности, является фактором её овнешнения. В связи со сказанным, когда уже введено достаточное количество новых смысловых различений, становится актуальным вопрос переобозначения того, что именовалось нами до сих пор первоэлементом, так как смысл этого термина тяготеет к материалистической позиции и не передаёт вкладываемую в него новую содержательность. Старое обозначение было лишь временной мерой, обусловленной возможными вербальными затруднениями, которые могли бы возникнуть, если бы сразу, без предварительных дефиниций, мы прибегли бы к иному номинативу. Теперь же, когда указанная опасность миновала, настало время извлечь из запасников термин, который, как представляется, более соответствует

существо предмета, если слово «предмет» допустимо в отношении представленного выше существа, новое имя которому — протомонада. Если бы понятие «монада» не было бы отягощено многозначностью и смысловыми наслоениями, возникшими уже после того, как оно было введено Лейбницем в дискурсивный обиход, то можно было бы остановиться и на нём, но историю, что называется, не перепишешь. Кроме того, имеются и существенные — как это будет показано ниже — отличия в свойствах, присущих протомонаде и лейбницевской монаде. Тем не менее, в каких-то фундаментальных определениях наша протомонада схожа с монадой Лейбница, поэтому-то выбор обозначения и был остановлен на термине, который недвусмысленно отсылает к гениальному прозрению «завершителя философии XVII века». Приставка *proto-*, кроме выполнения функции дистанцирования от монады Лейбница, несёт здесь и свойственную ей лексическую нагрузку, причём двоякую: и как первая — уникальная, и как первооснова всей материальной иерархии. Обращение к понятию, опорные семантические вехи которого уже известны, свидетельствуют о том, что автор не пребывает в наивном заблуждении, будто бы ему принадлежит приоритет в открытии какого-то неизвестного ранее онтологического смысла. Авторские претензии более скромные — дать более содержательное, чем имелось ранее, толкование уже имеющейся незаурядной идеи, с учётом опыта, привнесённого развитием науки и его философским осмыслением, после её первичной вербализации выдающимися умами. Если всё же актуализировать вопрос приоритетности идеи, репрезентируемой понятием «монада», то её существенные моменты достаточно определено сформулировали два великих мыслителя средневековья. Вначале Джордано Бруно, в сочинении «О причине, начале и едином»²⁴, а позднее Готфрид Вильгельм Лейбниц. Последнего, судя даже по названию его труда — «Монадология»²⁵, где он артикулировал свойства монады, можно по праву считать основоположником «теории» монад. И хотя имя Лейбница прочно вписано в историю философии, а также математики, физики, механики и прочая, прочая, и он не нуждается в чьём-либо покровительстве, следует констатировать, что его метафизика незаслуженно находится на периферии философского поля, в лучшем случае стоит особняком.

Сформулировав концепт монады, автор «Монадологии» явил пример — не важно, осознанно или нет — возвращения в «нормальное» русло, в некотором среднестатистическом измерении, натурфилософского нарратива, да и всей философии в целом, в каком она пребывала у древних греков, у которых всё множественное, положенное в объективной реальности, являлось лишь акциденциями, требующими своего истолкования исходя из первичного единства, лежащего за горизонтом видимости. Лейбниц предпринял, по сути, попытку поставить философию, что называется, с головы на ноги, где прежнее положение, в которое медленно, но верно скатывалась философия, было обусловлено давлением набирающей силу, но близорукой науки, не видящей далее своего материалистического носа. Лейбниц, конечно, не преуспел в своём предприятии. Убеждённость материалистов различных мастей, что сложное складывается не более чем из простых, зачастую эмпирических, данностей, очевидных в своей наглядности и существовавших, как им кажется, вечно, он не поколебал. Уже в новое время те же материалисты приняли за правило и в философии, следуя своей линейной логике, требовать общепринятого в науке рационального доказательства, конечно, так, как они эту доказательность понимают, что некоторая сложная, тем более метафизическая, картина такова, каковой её рисует некий Имярек. Очень выпукло это можно наблюдать на примере советского исследователя наследия Лейбница Г. Г. Майорова, который,

²⁴ Бруно Дж. О причине, начале и едином // Диалоги. — М.: Госполитиздат, 1949. — 552 с.

²⁵ Лейбниц Г. В. Монадология // Сочинения в четырех томах. Том 1. — М.: «Мысль», 1982. — 636 с.

колеблясь в неопределённости *pro et contra* в отношении лейбницевской парадигмы, остаётся всё же скорее *contra*. «Стройность Лейбницевой системы, ее видимая непротиворечивость и единообразность достигаются немалой ценой — ценой устранения главной эпистемологической контрверзы, противоположности между субъектом и объектом. Надо отдать должное эффективности такого подхода. Он позволяет, исходя из чисто умозрительных "метафизических" соображений, разгадывать те "мировые загадки" (по выражению естествоиспытателя Дюбуа-Реймона) или те "шифры трансценденции" (по выражению экзистенциалиста Карла Ясперса), которые всегда служили камнем преткновения для развития человеческой науки. Спиноза, Лейбниц, Фихте, Шеллинг, Гегель — все, кто следовал такому подходу, не нуждались в тысячелетиях опытов, исканий, разочарований, труда, напоминающего подчас сизифов труд, чтобы объяснить, например, происхождение живого из неживого, чувствительного из нечувствительного, мыслящего из лишённого мысли и т. п.

Им достаточно было постулировать неантиномичность указанных понятий. Если мышление — вечный атрибут субстанции-природы, то нет необходимости выводить его из неживой природы. Если не-Я — порождение абсолютного Я, то их противоположность в известном смысле кажущаяся, и задача науки — скорее в преодолении этой кажимости. "Монада" Лейбница, "Абсолют" Шеллинга, "Мировой разум" Гегеля (его "разумная действительность" и "действительная разумность") и т. д. — все это различные варианты "*petitio principii*", предполагающие в качестве объяснительного "начала" конечную цель доказательства, то есть пользующиеся приемом наиболее ненавистным педантичному научному мышлению. Правда, их решения соответствующих проблем, сколь бы убедительно они не звучали, мало что могли дать конкретным наукам. Последние, оставаясь подчеркнуто равнодушными к метафизическим упражнениям, с упорством, похожим на упрямство, продолжали свою повседневную работу, пытаясь подойти к этим по существу универсальным проблемам со своими частного назначения инструментами. При этом справедливо обвиняя "метафизику" в высокомерии за ее не терпящий возражений тон и необоснованные претензии, сами конкретные науки оказывались не менее, если не более, претенциозными, оставляя лишь за собой право на суд в отношении любых, даже сугубо философских, проблем, и совершенно не сомневаясь в своей способности справиться с этими проблемами»²⁶. В одном Майоров безусловно прав. Тот уровень содержательной конкретики, которой наделена монада у Лейбница, совершенно недостаточен для выполнения натурфилософией регулятивной функции по отношению к конкретным наукам, и этим отчасти объясняется равнодушие последних к метафизике.

Величайшая заслуга Лейбница состоит в том, что он, введя в оборот понятие монады, вербализовал интуицию об активной субстанции, лежащей в основе известного нам мира:

«11. Из сейчас сказанного следует, что естественные изменения монад исходят из внутреннего принципа, так как внешняя причина не может иметь влияния внутри монады.

12. Но кроме начала изменения необходимо должно существовать многообразие того, что изменяется, которое производит, так сказать, видовую определенность и разнообразие простых субстанций»²⁷.

И величайшей же несправедливостью было бы упрекать его в том, что сделал он это в весьма общих чертах. В плане перспективы дальнейшего содержательного

²⁶ Майоров Г. Г. Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница. — М.: МГУ, 1973. — С. 175.

²⁷ Лейбниц Г. В. Монадология // Сочинения в четырех томах. Том 1. — М.: «Мысль», 1982. — С. 414.

раскрытия существа монады важно то, что она, будучи простой, в то же время, аккумулирует в себе безмерное число бытийных акциденций и модусов, потенциально содержит в себе всю сложность и многообразие мира. Такая семантическая насыщенность лейбницевской эвристики является сущим подарком для воспринявших его гениальную идею, а её автор заслуживает вечной благодарности. Интересную дифференциацию, косвенным образом отсылающую к чему-то похожему на монаду и конституируемую нами протомонаду, можно найти у Шеллинга, хотя свои мысли, касающиеся генезиса материальности и её первичной структуры, он артикулировал вне монадной коннотации. Однако из квинтэссенции его дискурса, направленного на раскрытие тайны материальности, где он констатирует некоторое универсальное качество материи и физических феноменов, именуемое *силой*, всего чуть-чуть до некоторого монадоподобного приближения: «Таким образом, материя и тело есть лишь продукты противоположных сил, или, скорее, даже не что иное, как эти силы. Однако как мы приходим к употреблению понятия силы, которое непредставимо ни в каком созерцании и уже этим выдает, что оно выражает нечто, происхождение чего лежит по ту сторону всякого сознания, что только и делает возможным всякое сознание, познание, следовательно, и всякое объяснение по законам причины и действия? А если силы сами должны быть объяснениями природных феноменов, или предметом физического объяснения, то почему же мы в нашем знании, в конце концов, вынуждены останавливаться на них?»²⁸ Из аналитики Шеллинга следует, что всё многообразие физических явлений объективируется через взаимодействие двух равновесных, в каждом случае особым образом специфицируемых, сил, как, например, в явлениях электричества и магнетизма, и существование различных вещественных субстратов обусловлено суть также специфическими латентными противодействующими силами, как это устанавливает, например, химия или ядерная физика. Обобщающая эмпирико-созерцательная теза Шеллинга такова: каждая материальная форма есть «матрёшка», внутри которой спрятана иерархия взаимно компенсирующих сил, которые можно редуцировать до двух первичных силовых универсалий, действующих как взаимообусловленные противоположные силы — отталкивания и притяжения, которые и являют собой подлинные атомы материи. Если мыслить в определённом ключе, то от означенных силовых универсалий всего полшага до синтеза протомонады. Действительно, из данной ранее предикации протомонады как внутренне активной — энергийной, вследствие циклоидального движения духовной эссенции, непосредственно транслируется ментальный символ энергичности — категория *силы*, точнее, её первичного дискретного формообразующего вектора, величина которого определяется интенсивностью вращения, и посредством которого протомонада демонстрирует себя как существующая в суще-физическом мире, подобно тому, как вращающийся волчок являет себя как таковой, противодействуя внешнему влиянию. Но возможна и обратная трансляция — от силовых универсалий к сущностям, представляющимся посредством сил. Шеллинг проделал всю подготовительную работу, необходимую для обратной трансляции, но этим и ограничился. Если бы он пошёл дальше, то он не смог бы уклониться от более ёмкого содержания генезиса материальности, так как был бы вынужден эксплицировать метафизический источник сил притяжения и отталкивания. Но эти полшага Шеллингу так и не дались. Тайна материи оказалась укрыта тщательнее, чем смерть Коцея Бессмертного.

²⁸ Шеллинг Ф. Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки. — СПб.: Наука, 1998. — С. 305.

Рассмотрим ещё одно противоположение, пути снятия которого утверждающая себя подлинной метафизика должна высветить вполне определённо. Оное противоположение для философии природы является, быть может, наиважнейшим. Речь идёт об оппозиции единого (единичного) и множественного. Если «включить» рефлексию, то не проходящим удивлением должен выглядеть тот факт, что множество единичных вещей, не пересекающихся в пространстве или во времени, существующих как бы раздельно и сами по себе, составляют некоторую общность, так как схожи друг с другом, и поэтому их относят к множественности определённого рода. В первую очередь подразумеваются, конечно, природные «вещи», начиная с множественностей различных элементов, наподобие электронов или атомов некоторого химического вещества или более мелких частиц, именуемых элементарными, и кончая объектами космического масштаба. Сие удивление сродни тому, как если бы мы обнаружили, что, например, все жители города похожи друг на друга как близнецы и сделаны, что называется, с одного лица. Против отнесения этого феномена к чистой случайности восстаёт весь рассудочно-экзистенциальный опыт человека. Но даже если предположить наличие чьего-то разумного воления и всемогущих способностей устроить всё так, как устроено, то и в этом случае одного этого недостаточно, как недостаточно, например, одних только виртуозных способностей подделывать денежные купюры, чтобы поставить дело на поток и с размахом. Должен быть имманентный абсолютно всему сущему атрибут, должен иметь место некоторый вселенский принцип, позволяющий реализовываться миру, способом существования которого является множественность. Перефразируя шекспировскую метафору, можно сказать, весь мир — это множественность. И поскольку человеческий интеллект воспроизводит смысловые связи мира, закреплённые в понятийных абстракциях лексической структуры языка, то каждая из упомянутых бинарных категорий — единое и множественное — естественным образом несёт в себе подразумевание противоположного. Эту взаимообусловленность указанных категорий — конечно, не только их одних — хорошо чувствовал Гегель, и на ней завязаны многие его отвлечённые спекуляции: «Когда речь идет об одном, нам тотчас же приходят на ум многие. Здесь возникает вопрос: откуда берутся многие? В представлении мы не находим ответа на этот вопрос, так как оно рассматривает многие как непосредственно наличные, и единое считается только одним среди многих. Согласно же понятию, одно, напротив, образует предпосылку многих, и в мысли об одном уже заключается то, что оно полагает само себя как многое».²⁹ Гегель, конечно, правильно подмечает имманентную неразделимость рассматриваемых категорий, и именно эта имманентность служит для него доказательством, что другого способа структурирования наличного мира представить невозможно, что созерцать и мыслить мир можно только таким, а не иным способом, и что восстановлением всех звеньев замыкающихся друг на друга смысловых отсылок исчерпывается существо предмета. Эти завихрения семантических подразумеваний характерны для гегелевского нарратива, но суть в том, что отмеченный круговорот есть не более чем скольжение мысли по поверхности мыслимого предмета, без проникновения в его существо. Быть может в этом, в общем-то вторичном, но непосредственно данном феномене обращения мысли кроется секрет древнейшего символа вечной цикличности — уробороса, змеи, свернувшейся в кольцо и кусающей себя за хвост. Следует констатировать, что гегелевская аналитика никак не раскрывает генезис множественностей и их внутренней связности в едином. От нас требуется, таким образом, самим заглянуть под «поверхность мира» и обнаружить, точнее, синтезировать

²⁹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук. Т. 1. — М.: «Мысль», 1974. — С. 238.

интуитивно предчувствуемый принцип, из которого проясняется диалектика отношения единого (единичного) и множественного. Причём мы ожидаем, что означенный принцип органично согласуется с идеей протомонады, точнее, он должен обратить наш взор на те её внутренние свойства, благодаря которым естественным образом объясняется её реакция на соответствующее «воздействие» извне, в результате чего наличная фактичность одной протомонады обуславливает возможность многих, связанных однозначным отношением с первой и уникальной, и служит основанием аналитики множественностей иных иерархий.

Прежде чем высказаться по существу содержания принципа, исходя из которого, как мы полагаем, проясняется генезис множественности, процитируем отрывок из поэмы Эдгара По «Эврика», после чего наиболее догадливый читатель, возможно, сам сообразит, какую мысль намерен провести автор. После Эдгара По идея, передающая квинтэссенцию принципа, к которому мы подступаемся, что называется, витала в воздухе. Американский литератор предвосхитил её, причём со свойственной ему неподражаемой экспрессией. Итак, цитата: «С таким уразумением я ныне утверждаю, что некий взгляд внутрь, совершенно неудержимый, хотя неизъяснимый, понуждает меня к заключению, что то, что Бог первоначально создал, что то Вещество, которое, силою своего Воления, он сделал из своего духа, или из Ничего, не могло быть ничем иным, кроме Вещества в его предельно постижимом состоянии. — Чего? — Простоты?

Это будет единственным безусловным допущением моего рассуждения. Я употребляю слово "допущение" в его повседневном смысле; однако же, я утверждаю, что даже это мое первоначальное предположение очень-очень далеко на самом деле от того, чтобы быть действительно простым допущением. Ничто никогда не было более достоверно — никакое человеческое заключение никогда, в действительности, не было более правильно, более строго выведено, — но увы! поступательный ход вывода находится за пределами человеческого рассмотрения — во всяком случае, за пределами выразимости на человеческом языке.

Попытаемся теперь постичь, чем должно было быть Вещество, когда оно находилось или если оно находилось в своем безусловном крайнем состоянии Простоты. Здесь рассудок тотчас улетает к Бесчастности — к некоторой частице — к одной частице — к частице одного рода — одного свойства — одной природы — одной величины — одной формы — к некоторой частице, поэтому, "без формы и пустоты" — к частице положительно, частице во всех точках, — к частице абсолютно единственной, самоотдельной, нераздельной и не неделимой только потому, что Он, который создал ее силой своей Воли, может бесконечно менее энергичным проявлением той же самой Воли, само собою разумеющимся образом, разделить ее.

Итак, Единство есть все, что я предрешаю относительно первично созданного Вещества; но я предлагаю показать, что это Единство есть основа избыточно достаточная для того, чтобы объяснить устройство, существующие явления и явно неизбежное уничтожение, по крайней мере, вещественной Вселенной.

Волением в бытие первичная частица совершила деяние или, более точно, представление Мироздания. Мы обратимся теперь к конечной цели, для которой, как нам надо предположить, Частица создала — то есть к конечной цели, насколько наши соображения еще могут делать нас способными видеть ее, — к построению Вселенной из нее, Частицы.

Это построение осуществилось через понуждение первично и потому правильно Единого в неправильное состояние Многих»³⁰. Если оставить в стороне простодушно-религиозную мистику автора поэмы, то главной тезой его вдохновенного спича выделяется прозрение, суть которого одновременно проста и гениальна, и состоит оно в том, что имманентным свойством первой проточастицы, учредившей молодую Вселенную, была её экзистенциальная способность порождать дочернюю проточастицу — собственную копию — которой передаются все родительские качества, а те, в свою очередь, внучатой и т. д. Наше дополнение к этой интуиции сводится к содержательному наполнению бессодержательного термина «частица», каковое заключено в номене, названном нами «протомонада». Первичным множеством протомонад или протомножеством, растущим в геометрической прогрессии, было заложено начало Вселенной, где множественность её основной закон. Итого: мы конституируем фундаментальное свойство всего сущего, благодаря которому формировалось и формируется первичное природное множество существ, связанных родством, и предопределяющих иные виды множественностей, это свойство проистекает из всеобщего принципа, названного нами *принципом генетического наследования*.

Действенность *принципа генетического наследования* в самом что ни на есть наглядном виде можно видеть в биологии, на примере механизма клеточной делимости. Означенный механизм, представляющийся универсальным для всей биологии, следовало бы квалифицировать не иначе как чудо, если бы он был бы присущ только данной стороне бытия и выступал бы своеобразной особенностью. А внешне так оно и выглядит, так как в «неживой» природе ничего подобного прямо не наблюдается, по крайней мере пока. И получается, что означенный феномен существует как бы сам по себе и возник ниоткуда. По-другому это называется магия, но заниматься философией магией не пристало, даже в некой имплицитной форме, что иногда кое-где имеет место быть. Недоступность наблюдению ещё не окончательный приговор логико-метафизическому исследованию. Что же касается составленного из протомонад протомножества, которое в настоящем нарративе утверждается как непосредственное продуцирование *принципа генетического наследования* в чистом виде и которое, как может показаться, менее чем другие природные множественности, более высокого уровня, доступно эмпирической верификации, то здесь, к счастью, эффект, проистекающий из принципа генетического наследования, в некоторой косвенной форме уже задокументирован астрофизиками. Как установлено последними, наша Вселенная расширяется, да ещё ускоренно, причём внятного объяснения этому явлению космология фактически не даёт. Точнее, даёт некоторую масло-масляную интерпретацию явления, сводящуюся к констатации того, что пространственный вакуум некоторым образом «взбухает», иными словами, имеющееся пространство как бы само порождает новое пространство. Как было отмечено выше, отдельная протомонада представляет, по существу, минимальный дискретный элемент самого пространства, «квант» пространства, а множество протомонад, соответственно, пространство в целом. Из этого следует, что благодаря способности протомонад, в соответствии с принципом генетического наследования, множиться пространство, читай Вселенная, должно расширяться, о чём и свидетельствует приведённая эмпирика. Все природные множественности не даны в раз и навсегда готовом виде, они перманентно пребывают в режиме становления и изменения, являют собой динамический процесс, приоткрывая таким образом подлинную, но неуловимую форму существования —

³⁰ По Э. А. Эврика. Поэма в прозе (Опыт о вещественной и духовной Вселенной) / Пер. К. А. Бальмонта. — М.: Эксмо, 2008. — С. 62–65.

временение. Множественность традиционно созерцается как противоположение единому, и попытки уяснить суть единого всегда предпринимаются именно в данной оппозиционной конфигурации. Но любая множественность нисходит к единичному, воспринимаемому как некоторое локальное единое, в котором-то, как может кому-то показаться, и надо искать секрет единого вообще. Но единичное, на поверку, есть лишь некая акциденция, а необходимое оказывается скрытым от наблюдения и проявляется как временящее. То есть искомое единое, противостоящее множественности, есть нечто совершенно отличное от множественностей, и пытаться узреть единое среди множественностей равносильно тому, как если бы мы пытались уяснить, что есть мысль, прибегая к трепанации черепа. Определённого рода подтверждениями догадки, что путь к постижению единого лежит через аналитику времени, служат такие антропологические различия, как этнос, народ, страна, так как указанные понятия являются эксплицитными коррелятами такого синтетического умознания, как единство истории, т. е. имеющего временное измерение. Время в социумных категориях отливается, в конце концов, в единые для членов социума «вечные» ценности — культурно-этические, созерцание которых наводит на мысль об истории как внутренне связанном организме. И для природы, для Вселенной, напрашивается аналогичная экстраполяция. Единое надо искать там, где меньше всего ожидаешь его найти, в кажущихся разрозненными, но составляющими в действительности неразрывный процесс временных мгновений. Существование космического единства схватывается человеком ещё до его спекулятивного разложения на условные составляющие, непосредственно, иначе не было бы и постановки вопроса о его интеллектуальном постижении, и проявлением этого схватывания является чувство гармонии. Сквозь природную красоту просматривается творческая суть времени, но это, как заключают свои повествования опытные рассказчики, уже совсем другая история.

Синтезом протомонады мы снимаем целый ряд диалектических противоречий, рассматриваемых натурфилософским анализом. Действительно, если на протомонаду взглянуть, условно говоря, издалека, в макро-масштабе, то обнаружится некоторая отдельная непроницаемая статичная тривиальная пространственная форма, напоминающая глобус. Если же приблизиться на достаточное расстояние, то можно будет разглядеть остов, представляющийся целым глобусом, хотя оболочки, которую мы привыкли видеть, например, в обычном школьном глобусе, там не предусмотрено. Если же подойти к протомонаде вплотную, то окажется, что и каркас-то «ненастоящий», а сплошная видимость, и всё держится на чистой динамике нечто, которое никогда не пребывает в покое. А если бы вдруг движение нечто прекратилось, то оно превратилось бы в ничто, так как ни увидеть, ни осязать его стало бы невозможно. Таким образом, статичная дискретная пространственная форма, из созерцания которой или подобной ей и возникают различия постоянства и покоя, на самом деле представляет собой сугубо динамическое образование, т. е. нечто противоположное тому, что изображается. Протомонада своим существованием как отдельность учреждает мир как счётно-дискретно-ограниченный, но духовно-эссенциальное движение, благодаря которому она состоялась как реальность, имеет непрерывный характер, а непрерывность, в свою очередь, влечёт за собой на коротком поводке бессчётно-бесконечное. И указанные, и подразумеваемые диалектические отрицания, требующие своего разрешения в метафизической парадигме, выступают, в конце концов, лишь некоторыми гранями центрального натурфилософского противоположения — времени и пространства, — обнаруживаемого именно как диалектическое вследствие конституирования протомонады. Время и пространство не просто априорные категории, как у Канта, и не рядорасположенные аксиоматические предусловия физического мира, эклектично соединённые в пространство-время, как у Эйнштейна в его теории относительности,

а диалектически противостоящие ноумены, противоположность которых снимается в существе протомонады, выступающей дискретным элементом пространства, при том, что время, «текущее» непрерывно, есть «осязание» внутреннего эссенциального движения. В диалектической паре «время — пространство» именно время служит маркером чего-то более бытийного, чем онтическая реальность, того, что в самом деле «есть», а пространство является лишь модусом, обусловленным и перманентно воспроизводимым временящей действительностью, без которой оно «аннигилирует». Тот же самый вывод, полученный сугубо логически, мы находим у Сартра: «Пространство не позволяет воспринять себя конкретной интуицией, так как оно не есть, но непрерывно делает себя пространственным. Оно зависит от временности и появляется во временности поскольку оно может прийти к миру только посредством бытия, способом бытия которого является темпорализация, и так как пространство есть способ, которым это бытие экстатически теряет, чтобы реализовать бытие»³¹. Актом творения первой протомонады был запущен первый часовой механизм, был декретирован фундаментальный цикл, задающий наименьший временной интервал, предопределяющий метрические временные шкалы. Время, образно выражаясь, «затицало». Где есть пространство, там необходимо наличествует время. Таков естественно следующий вывод на рефлексии о вездесущности времени. И контрдовод экзотическим теориям о пространствах без времени. Какую бы область физики мы ни взяли — термодинамику, электродинамику и пр., — везде в математических уравнениях, описывающих соответствующие физические процессы, в качестве свободной переменной присутствует время. Оно, представленное математической нотацией, прямым текстом возвещает о себе, как *first-motion*³² факторе, приводящем в движение все небесные сферы, но для подавляющего числа учёных, привыкших видеть в математической репрезентации времени лишь абстрактный символ, «призыв» времени обратить на него внимание как на активную субстанцию всё ещё остаётся «гласом вопиющего в пустыне». В демонстрируемой нами содержательной экспликации протомонады, где присутствует имеющее метафизический порядок временящее эссенциальное движение, время наконец-то обретает зримую силу.

В структуре протомонад имеется большой вариативный ресурс, благодаря которому они могут приобретать способность агрегировать, т. е. являть материальные феномены. Но пока мы ведём речь о гомогенных протомонадах, у которых «индекс» агрегирования нулевой, и они существуют как автономные. Гомогенная протомонада симметрична и в силу этого сравнительно компактна и абсолютно инертна. Аналогией может служить атом гелия. Автономные протомонады ещё фактически не материя, так как они не обладают свойством диффундировать друг в друга. Это пространственно-физические элементы, «заточенные» выступать квантами чистого пространства. Их плотное множество и есть то, что мы называем пространством, которое в некотором роде зернисто, что не является экстраординарной новостью. Известно немало физических теорий, чаще всего имеющих в научном сообществе статус маргинальных, в которых этот момент служит их основной отличительной особенностью. Хотя после Эйнштейна на использование слова *эфир* у физиков наложено табу, представляется, что для обозначения всей совокупности пространствообразующих протомонад это наиболее подходящий термин. Эфир не находится в пространстве, эфир и есть само пространство, так же, как океан является пространством для морских обитателей. Такое пространство не является

³¹ Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. — М.: Республика, 2000. — С. 211–212.

³² *First-motion* (англ.) — первое движение; прим. автора.

некоторым «ящиком» — вместилищем материальных тел, оно представляет собой особую среду, буквально «окутывающую» материальные образования и в соприкосновении с которой только и проявляются так называемые законы природы. Материальная Вселенная не мыслима и попросту не может существовать без пространствообразующего эфира. Оный суть альфа и омега всей материальности, поскольку только благодаря этой энергийной субстанции, связующей всё и вся, материя регистрируется как таковая. Поэтому вполне логично было бы предположить, что вклад такого пространства в, условно говоря, энергетический баланс Вселенной должен быть решающим. Так оно и есть, поскольку означенный эфир и является, по всей видимости, носителем той таинственной *тёмной энергии*, на счёт которой космология относит порядка 70% всей энергии Вселенной. Содержательная репрезентация протомонады позволяет дать рациональное объяснение многим эмпирическим физическим константам, входящим в теоретические системы в качестве постулатов. Например, предельной скорости, которая идентифицируется со скоростью света. Действительно, если мы утверждаем некое внутреннее вращение, то естественно подразумеваем вращение с определённой интенсивностью — скоростью. Так как внутреннее движение в протомонаде является пространствообразующим, то любые внешние перемещения, перемещения в пространстве и их количественные характеристики, в частности, скорость, каузально вторичны по отношению к внутреннему и не могут превышать её. Интенсивность внутреннего движения является той предельной величиной, к которой скорость любого пространственного перемещения может только приближаться, и её коррелятом, судя по всему, является скорость света. В структуре протомонады нетрудно обнаружить смысловые параллели и с известными квантово-механическими константами, но распространяться на эту тему было бы непростительной самонадеянностью и вторжением в чужие палестины. В некоторой узкой трактовке Лейбниц был гениально прав в отношении качества монад: «Монады вовсе не имеют окон и дверей, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти»³³. В самом деле, конституция гомогенных протомонад такова, что они максимально замкнуты, и их исключительной «специализацией» является быть пространствообразующей средой, быть, образно выражаясь, подмостками, готовыми принять «актёров» — материальные тела, способом бытия которых является пространственность и образуемые из тех же протомонад, но утративших свою гомогенность и приобретших способность агрегирования. В отношении же негомогенных протомонад приведённая характеристика Лейбница принципиально неверна. Наоборот, асимметричные протомонады предрасположены для открытия «окон и дверей», для взаимопроникновения эссенций соседних элементов и совместного их «использования», в разной пропорции, что и обуславливает широчайшее многообразие материальных форм, рассмотрение которых мы оставляем для другого случая.

Литература

- Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с фр. В. Флеровой; вступ. ст. И. Блауберг. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. — 384 с.
- Бердяев Н. Алексей Степанович Хомяков. — М.: Путь, 1912. — 250 с.
- Бруно Дж. О причине, начале и едином // Диалоги. — М.: Госполитиздат, 1949. — 552 с.

³³ Лейбниц Г. В. Монадология // Сочинения в четырех томах. Том 1. — М.: «Мысль», 1982. — С. 413–414.

- Векшенов С. А. От оснований физики к основаниям математики // *Метафизика*. — 2018, № 1 (27). — С. 123-128.
- Гегель Г. В. Ф. Наука логики // *Энциклопедия философских наук*. Т. 1. — М.: «Мысль», 1974. — 452 с.
- Гегель Г. В. Ф. Философия природы // *Энциклопедия философских наук*. Т. 2. — М.: «Мысль», 1975. — 695 с.
- Делёз Ж. Различие и повторение. — ТОО ТК «Петрополис», 1998. — 384 с.
- Ефремов А. П. О физико-математической аналитике и реальности фрактального пространства // *Метафизика*. — 2018, № 1 (27). — С. 107–115.
- Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. — М.: Наука, 1999. — 655 с.
- Корет Э. Основы метафизики / Перевод на русский язык. — Киев: Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий, 1998. — URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5760> (дата обращения: 20.11.2020).
- Кремень Р. Л. Диалектическая гносеология // *Вох*: <http://vox-journal.org>. — 2020, № 28. — С. 102–127.
- Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 2005. — 680 с.
- Лейбниц Г. В. Монадология // *Сочинения в четырех томах*. Том 1. — М.: «Мысль», 1982. — 636 с.
- Майоров Г. Г. Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница. — М.: МГУ, 1973. — 266 с.
- Ньютон И. Математические начала натуральной философии / Перевод с латинского и примечания А. Н. Крылова. — М.: Наука, 1989. — 688 с.
- По Э. А. Эврика. Поэма в прозе (Опыт о вещественной и духовной Вселенной) / Пер. К. А. Бальмонта. — М.: Эксмо, 2008. — 400 с.
- Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. — М.: Республика, 2000. — 639 с.
- Уитроу Дж. Естественная философия времени / Пер. с англ., общ. ред. М. Э. Омеляновского. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 400 с.
- Шеллинг Ф. Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки. — СПб.: Наука, 1998. — 518 с.

References

- Bergson A. *Tvorcheskaya e`volyuciya* / Per. s fr. V. Flerovoj; vstup. st. I. Blauberg. — М.: TERRA-Knizhny`j klub; KANON-press-Cz, 2001. — 384 s.
- Berdyayev N. Aleksej Stepanovich Xomyakov. — М.: Put`, 1912. — 250 s.
- Bruno Dzh. O prichine, nachale i edinom // *Dialogi*. — М.: Gospolitizdat, 1949. — 552 s.
- Vekshenov S.A. Ot osnovanij fiziki k osnovaniyam matematiki // *Metafizika*. — 2018, № 1 (27). — S. 123-128.
- Gegel` G.V.F. Nauka logiki // *E`nciklopediya filosofskix nauk*. Т. 1. — М.: «My`sl`», 1974. — 452 s.
- Gegel` G.V.F. Filosofiya prirody` // *E`nciklopediya filosofskix nauk*. Т. 2. — М.: «My`sl`», 1975. — 695 s.
- Delyoz Zh. Razlichie i povtorenie. — ТОО ТК «Petropolis», 1998. — 384 s.
- Efremov A. P. O fiziko-matematicheskoy analitike i real`nosti fraktal`nogo prostranstva // *Metafizika*. — 2018, № 1 (27). — S. 107–115.

- Kant I. Kritika chistogo razuma / Per. s nem. N. O. Losskogo s variantami per. na rus. i evrop. yazy`ki. — M.: Nauka, 1999. — 655 s.
- Koret E`. Osnovy` metafiziki / Perevod na russkij yazy`k. — Kiev: E`lektronnaya publikaciya: Centr gumanitarny`x texnologij, 1998. — URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5760> (data obrashheniya: 20.11.2020).
- Kremen` R. L. Dialekticheskaya gnoseologiya // Vox: <http://vox-journal.org>. — 2020, № 28. — S. 102–127.
- K`erkegor S. Zaklyuchitel`noe nenauchnoe posleslovie k «Filosofskim kroxam». — SPb.: Izdatel`stvo S-Peterburgskogo Universiteta, 2005. — 680 s.
- Lejbnicz G. V. Monadologiya // Sochineniya v chety`rex tomax. Tom 1. — M.: «My`sl`, 1982. — 636 s.
- Majorov G. G. Teoreticheskaya filosofiya Gotfrida V. Lejbnicza. — M.: MGU, 1973. — 266 s.
- N`yuton I. Matematicheskie nachala natural`noj filosofii / Perevod s latinskogo i primechaniya A. N. Kry`lova. — M.: Nauka, 1989. — 688 s.
- Po E`. A. E`vrika. Poe`ma v proze (Opy`t o veshhestvennoj i duxovnoj Vselennoj) / Per. K. A. Bal`monta. — M.: E`ksmo, 2008. — 400 s.
- Sartr Zh. P. By`tie i nichto: Opy`t fenomenologicheskoy ontologii / Per. s fr., predisl., primech. V. I. Kolyadko. — M.: Respublika, 2000. — 639 s.
- Uitrou Dzh. Estestvennaya filosofiya vremeni / Per. s angl., obshh. red. M. E`. Omel`yanovskogo. — M.: Editorial URSS, 2003. — 400s.
- Shelling F. Idei k filosofii prirody` kak vvedenie v izuchenie e`toj nauki. — SPb.: Nauka, 1998. — 518 s.

Rotational-monad metaphysics

Kremen' Roman,
independent researcher, Tomsk,
kremen-roman@rambler.ru

Abstract: The article presents a metaphysical concept, in the main tesa of which the simplest discrete element of physical reality is constituted — designated as a protomonad — which forms the basis of spatial forms of materiality, including space itself as such. The genesis of the protomonad is clarified by a certain way interpreted rotation of the spiritual essence, which in itself does not have an extension, and both the indicated essence and its rotation have a metaphysical order, and the dimension of physical space finds a rational interpretation through the characteristics of metaphysical rotation. The semantic aspects of complex mathematical constructs are considered that convey the semantics of rotations, and quite reasonably proposed by some mathematicians as the unified foundations of mathematics and physics, where the properties of constructs act as a mathematically strict co-proof of the validity of the concept. The meaning of number is explained as a method of restriction on infinite pre-physical multiplicity, and finite natural multiplicities are the result of such restrictions; the most important special case is the three-dimensional spatial metric given in the experiment, which appears as a restriction of an infinite-dimensional metaphysical space. The so-called principle of genetic inheritance is formulated, which makes it possible to remove the dialectical opposition between the one and the multiple and illustrates the categories of time and space as dialectical oppositions.

Keywords: metaphysics, monad, rotation, spiritual essence, infinity, matter, space, time.